

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ

Р. Вагнер

Фискальная социология и теория государственных финансов. Исследовательское эссе¹

ВАГНЕР Ричард — профессор экономики им. Холберта Л. Харриса Университета Джорджа Мейсона. Адрес: 22030, США, штат Вирджиния, г. Фэрфакс, Университет-драйв, 4400.

Email: rwagner@gmu.edu

Перевод с английского под науч. редакцией Даниила Шестакова.

Публикуется с разрешения Издательства Института им. Гайдара.

В данной книге представлен альтернативный подход к концептуализации государственных финансов, который, по мнению автора, является частью социальной теории. Данный подход противопоставляется взгляду на государство и экономику, где они выступают автономными по отношению друг к другу сферами. С точки зрения Ричарда Вагнера, правительство выступает лишь одной из сторон тех взаимосвязанных пространств, в которых разворачиваются взаимодействия людей. Фискальная деятельность, таким образом, ассоциируется не столько с вмешательством государства в экономику, сколько с ареной для кооперации и конфликтов. Автор книги также подчёркивает важность эмерджентных процессов развития, движущим механизмом которого служит конфликт между людьми и их замыслами. Ричард Вагнер указывает, что книга отражает его личный взгляд на теорию государственных финансов, и полагает, что это будет интересно широкому кругу читателей.

Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу книги «Контрастирующие архитектуры теории государственных финансов», где автор рассматривает два подхода к государственным финансам: господствующий и альтернативный. В рамках первого финансы трактуются как часть экономической системы, а в рамках второго они относятся к социальной теории. При этом автор видит необходимость во взаимодействии подходов.

Ключевые слова: фискальная социология; государственные финансы; государство и хозяйство; политическая экономия; эмерджентные процессы развития; рыночное равновесие.

1. Контрастирующие архитектуры теории государственных финансов

Философы науки больше, чем кто-либо ещё, склонны утверждать, что смысл, который мы извлекаем из наших наблюдений над реальностью, обусловлен ментальными структурами, или картами, используемыми нами для организации наблюдений. Это важное положение, сильно сказавшееся на

¹ *Источник:* Вагнер Р. (готовится к изданию) *Фискальная социология и теория государственных финансов. Исследовательское эссе.* М.: Изд-во Института Гайдара. Пер. с англ.: Wagner R. 2007. *Fiscal Sociology and the Theory of Public Finance. An Exploratory Essay.* Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Cheltenham.

избрании архитектоники, или системообразующей структуры, теории государственных финансов. Мы все неминуемо являемся пленниками ментальных карт, которые применяем для осмысления наших наблюдений. В этом нет ничего плохого, поскольку подобное устройство мышления неизбежно. Ментальные карты способны фокусировать наши наблюдения на важных вопросах и помочь нам в отсеивании незначительных наблюдений. Но они могут также уводить нас от точного и ясного понимания избранного нами объекта исследования. По мнению человека нового тысячелетия, Солнце встает на востоке и заходит на западе. Сама эта формулировка возникает как часть ментальной карты, которая ставит Землю в центр Вселенной. Астрономы составляли карту небес, сверяя свои наблюдения небесных тел с птолемеевой ментальной картой. Когда наступило время Коперника с альтернативным вариантом, в котором Земля вращается вокруг Солнца, мы пришли к иному пониманию наших наблюдений над небесными телами. Всё ещё говоря о Солнце, встающем на востоке и заходящем на западе, мы знаем, что говорим фигурально, но не буквально.

В предисловии к своей эпохальной «Общей теории занятости, процента и денег» Джон Мейнард Кейнс [Keynes 1936] коснулся сложностей отхода от «привычных представлений». Он указывает, что «трудности не в новых идеях, а в освобождении от старых, которые проникли во все уголки сознания тех, кто был воспитан так же, как и большинство из нас»². Специфическим ментальным контекстом, в котором Кейнс формулировал свою критику, было конвенционально принятое и опирающееся на идею равновесных состояний теоретизирование (*equilibrium-based theorizing*), доминировавшее в экономике в его время. В соответствии с этой стандартной ментальной картой экономические наблюдения были измерением равновесных отношений между ценами и объёмом производства (*output*), что отражалось в понятии «стационарные состояния». По Кейнсу, общества и экономические системы являются какими угодно, но не стационарными. Они всё время находятся в движении. Кейнс стремился внести вклад в развитие альтернативной ментальной карты, сфокусированной на движении, а не на стационарности. Его работа, однако, впоследствии была интерпретирована как вклад в равновесное теоретизирование, и, как полагает Аксель Лейонхувуд [Leijonhufvud 1967], отличительные черты предлагаемого Кейнсом подхода были со временем утрачены. В связи с этим стоит отметить, что даже во время Коперника птолемеевы карты астрономических наблюдений с Землёй в центре продолжали успешно использоваться для объяснения соответствующих наблюдений.

Оставляя в стороне специфический контекст высказывания Кейнса, обратим внимание на то, что он обозначил важнейшую проблему: как наши мысли о феномене одновременно поддерживаются и скываются нашими ментальными картами. Ментальная карта, сконструированная для описания логики стационарных состояний, в которых экономическая жизнь продолжается непрерывно без изменений, вряд ли подходит для характеристики процессов постоянных инноваций и развития, когда определено только то, что стратегия топтания на месте в области коммерческой деятельности есть наикратчайший путь к провалу. Настоящая книга охватывает преимущественно процессы постоянного развития, а не равновесие стационарных состояний, как точно было показано Джейсоном Поттсом [Potts 2000]; её предметом является теория государственных финансов, а не общая экономическая теория. Проблема, которую обозначил Кейнс, довлела над областью государственных финансов, поскольку множество общих паттернов мышления о государственных финансах сформировались в то время, когда преобладали монархии, поэтому фискальная активность могла быть закономерно описана как отражающая результаты выбора монарха. Стили мышления, приобретшие свои очертания в период монархий, были перенесены на демократические режимы без достаточного внимания к кризису теории государственных финансов, спровоцированному соответствующими институциональными изменениями. Отсюда государства в большинстве случаев рассматриваются как субъекты, которые стоят за пределами социальной экономики и вмешиваются в неё. В противоположность этому, в настоящей книге демократические

² Цит. по: [Кейнс 2007: 41]. — Примеч. науч. ред.

государства рассматриваются как пространства участия внутри общественной экономики, как порядки упорядочения, а не организации, в соответствии с подходом Фридриха фон Хайека [Hayek 1973].

Порядки и организации: два окна фискальной теории

Объектом изучения науки о государственных финансах является бюджет, налоги и расходы государства. Утверждать, что составление бюджета образует объект изучения для исследователей фискального феномена, не означает сказать что-либо о типах вопросов, которые в поисках ответов на них переходят из исследования в исследование. Существуют различные наборы вопросов, которые исследователи в области финансов могут ставить и уже ставили в отношении к располагаемому ими фактическому материалу, и каждый такой вопрос представляет собой попытку взглянуть на феномен государственных финансов под определённым аналитическим углом.

Представьте себе две страны, равные по размеру населения, богатства и наличию демократически избранного парламента, но различные по размеру территории, объёму правительственной деятельности и балансу доходной и расходной частей бюджета. Возможно, правительство одной из стран финансирует свою деятельность с помощью пропорционального налога на доход, с низкой ставкой и широкой базой. Другое правительство финансирует себя с использованием прогрессивной шкалы налогообложения; с предельной ставкой, предположим, более 50%, с многочисленными привилегиями (освобождением от уплаты налогов), исключениями, вычетами, включёнными в налоговую базу. В части расходов одно правительство активно вкладывается в осушение болот и постройку метро, в то время как выплата пенсионных аннуитетов и помощь малоимущим организованы через страховые компании и благотворительные учреждения, функционирующие на рыночной основе. Другое правительство, напротив, расходует относительно мало на осушение болот и строительство подземки, но в большой степени включено в перераспределение богатства через широкий спектр программ пенсионного страхования и помощи малоимущим.

Какие вопросы может задать себе исследователь финансов при рассмотрении данной ситуации? В зависимости от типов вопросов, которые формулировались, подходящими окажутся различные концептуальные рамки, упорядочивающие мысль о финансовом феномене. Наиболее частой из используемых является та, в которой государство рассматривается как организация, имеющая собственные цели. Альтернативная теоретическая рамка — это та, в которой государство расценивается как порядок, согласовывающий действия бесчисленного количества участников, преследующих различные цели. Коммерческая компания есть организация: люди должны быть предварительно приглашены, чтобы вступить в организацию. Она может быть адекватно описана как преследующая собственные цели (такие, например, как максимизация собственного капитала предприятия), которые в той степени, в какой организация структурирована, оказываются целями действия индивидов, в неё входящих. Наконец, действия этих индивидов могут быть описаны как результат совершаемого исходя из поставленных целей выбора. Общества и рынки, однако, являются порядками, а не организациями, даже если имманентные им процессы имеют, как правило, вид организованных. Люди не нуждаются в приглашении к участию в рынке или обществе — они просто делают это. Рынки и общества не имеют целей — они лишь формируют пространства, заключающие в себе индивидов и организации, у которых есть цели. Общие структуры и последствия, возникающие в обществах и рынках изнутри, не являются продуктами выбора, но есть побочные продукты взаимодействия участников.

Преобладающая часть исследователей в области государственного бюджета имеет дело с государством как организацией. Безусловно, наличествуют существенные различия между исследователями в том, как они описывают цели, которые, по их мнению, государство преследует, или, как они думают, должно бы преследовать. Большинство таких исследователей рассматривают государство как организацию,

которая уже устраняет провалы рынка или которой следует это делать путём предоставления общественных благ и исправления последствий нерационального использования ресурсов, создаваемого экстерналиями. Другие исследователи рассматривают государство как организацию, которая в значительной степени разоряет аутсайдеров в пользу тех, кто контролирует государственный аппарат³. И в том, и в другом случае государство рассматривается как организация, фокусирующаяся на целях.

Государство, рассматриваемое через данную теоретическую рамку, ориентируется в своей деятельности на конкретные преследуемые им цели. В этом случае перед наукой о государственных финансах возникают две задачи: (1) предоставление государству консультаций в отношении его деятельности; (2) объяснение реакции участников рынка на эти действия. Финансовая деятельность рассматривается как экзогенное вмешательство государства в рыночную экономику, и задача исследователя состоит в отображении порождённых рынком откликов и последствий этих интервенций. В наши дни такая теоретическая рамка является наиболее широко используемой для анализа финансовой сферы. Например, правительство строит метро в одном направлении, тогда как адекватной альтернативой было бы проводить его в другом⁴. Расширение сети метро в этом направлении уменьшит время в пути, что повысит спрос и ценность земель, расположенных вдоль пути следования, особенно находящихся поблизости к выходам. В самом деле, повышение ценности земель даже может быть учтено при оценке стоимости, которую участники рынка вкладывают в это расширение. Экономисту удаётся, таким образом, приблизительно определить норму прибыли от расходов на расширение метро путём сопоставления добавленной стоимости земли с издержками⁵. В качестве альтернативы правительство может резко повысить налоги на алкоголь и табачную продукцию, в то время как будет расширять персональное освобождение от налога с тем, чтобы сохранить совокупный доход (*total revenue*) почти на прежнем уровне. Повторим ещё раз: участники рынка будут реагировать различно на это экзогенное налоговое установление. Между прочим, было бы резонным ожидать трансграничных торговых сделок, подделок налоговых марок и контрабанды в ответ на повышение налоговой ставки, причём сила этих ответных реакций варьировалась бы сообразно величине её повышения.

Аналитические попытки такого типа превалируют среди исследователей финансов. С начала существования бюджетной деятельности государства и изучения её применения к анализу рыночного взаимодействия исследователь рассматривает государство как сущность, экзогенную по отношению к социально-экономическому процессу. Государственные финансы есть, таким образом, ветвь прикладной микроэкономической теории, в которой бюджетные действия рассматриваются как экзогенные по своей природе шоки, последствия которых поддаются анализу. В то время как фискальные действия в большой степени кажутся индивидам экзогенными явлениями, такая аналитическая рамка не исчерпывает возможностей для аналитики в пределах демократической политики. Для наследственной монархии возможно рассматривать фискальные мероприятия как шоки экзогенного происхождения, внедрённые в общество правящим монархом. Для демократической политики, однако, не существует места, из которого такое экзогенное внедрение может быть произведено. Вторая аналитическая рамка побуждает теоретика исследовать происхождение фискальных мероприятий и объяснить модель государственного налогообложения и расходов. Линия метро сама себя не проложит; тем не менее линия метро была проложена благодаря некоторому процессу выбора или взаимодействия среди какой-либо группы граждан. Более того, повышенные налоги на алкоголь или табачные изделия, как и рост осво-

³ Резкий контраст между этими двумя взглядами представлен в работе крупных фискальных теоретиков второй половины XX века: [Buchanan, Musgrave 1999].

⁴ Конечно, существует множество возможных вариантов расширения метро. Различные программы расходов могут быть увеличены. Налоги могут быть снижены множеством способов.

⁵ Расширение метро может также снизить перегруженность транспорта и время в пути где-то в другом месте, что будет также включено в расчёт выгод и издержек.

бождений от налогов, не просто случаются внезапно, но происходят по той причине, что какой-то субъект или группа субъектов дали им произойти. Вызов для этой альтернативной схемы фискального анализа, которой мы в первую очередь заняты в настоящей книге, состоит в том, чтобы объяснить, как данные налоговые модели возникают и впоследствии изменяются.

Альтернативная аналитическая рамка приглашает исследователя к рассмотрению фискальных действий как продуктов институционально опосредованного взаимодействия людей, живущих в определённом обществе. Фискальное поведение индивида возникает из взаимодействия так же, как и рыночно-ориентированное поведение⁶. На этом этапе теория государственных финансов требует теоретического объединения с институциональной экономикой, ведь именно через институционально опосредованные отношения возникают и развиваются фискальные действия. Раз эти институционально опосредованные взаимоотношения становятся тесно связанными с построением теорий налогов, политические и налоговые институты занимают центральное положение в теории финансов сразу с двух точек зрения, как это было отмечено Джеймсом Бьюкененом [Buchanan 1967]: во-первых, институты налогообложения обеспечивают основу, которая формирует и накладывает ограничения на взаимодействия между участниками рынка; во-вторых, эти институты оспариваемы и подлежат изменению под воздействием процессов, доступных для аналитического изучения, что было показано с особой ясностью Сэмуэлем Боулзом и Гербертом Гинтисом [Bowles, Gintis 1993].

Два важных автора и их аналитические окна

Историю налоговых теорий Орхан Каяалп [Kayaalp 2004] упорядочивает сообразно пяти различным национальным аналитическим рамкам — английской, итальянской, немецкой, австрийской и шведской (мой обзор работы Каяалпа см.: [Wagner 2005]). Подход Каяалпа состоит в систематизации налоговых теорий соответственно национальному происхождению теоретиков, что, безусловно, заслуживает внимания, поскольку исследователи финансов часто избирают предметы рассмотрения, исходя из значимости таковых для места своего проживания. Исследователи из стран, где взимается налог на добавленную стоимость, более склонны черпать аналитический материал из данной формы налога, чем американские исследователи, где налог на добавленную стоимость есть только объект для умозрительных построений. Примеры, используемые исследователями финансов для анализа, как правило, отражают моменты специфического интереса тех стран, резидентами которых являются авторы, что без труда может быть показано сопоставлением выдающихся работ, написанных Битом Бланкартом [Blankart 1991] для Германии, Джорджио Брозियो [Brosio 1986] для Италии, Джоном Куллисом и Филиппом Джонсом [Cullis, Jones 1998] для Соединённого Королевства и Харви Розеном [Rosen 2005] для США.

Тем не менее из обзора работ Каяалпа становятся очевидными сопряжённость четырёх континентальных корпусов налогового знания и наличие ярких отличий между этими корпусами и британским направлением. Четыре группы континентальных исследователей используют одинаковую теоретическую рамку для организации фискальных исследований, в то время как британские исследователи — иную. Неслучайно Юрген Бакхауз и Ричард Вагнер [Backhaus, Wagner 2005a; 2005b] представляют современную теорию государственных финансов как дихотомию между континентальной и англо-саксонской ориентациями.

Отчётливое выражение данная дихотомия получила после переиздания классических, созданных в XIX веке, работ Кнута Векселля [Wicksell 1958] в Швеции и Фрэнсиса Эджворта [Edgeworth 1958] в Великобритании. Эджворт задаётся вопросом о том, как государству следует производить налогообложение, если оно при этом намерено щадить налогоплательщиков. Если налоговая нагрузка независима

⁶ Варианты на основе теории выбора и каталлактики описаны в работе: [Wagner 1997a].

от ставки сбора и предельная полезность падает с доходом, наименьшие совокупные жертвы со стороны налогоплательщиков, как предполагалось, соответствуют налогу, который урезает доход с наиболее высокодоходной группы до тех пор, пока выручка не поднимется до требуемого уровня. Конечно, Эджворт отметил, что это только первое приближение, поскольку попытка наложить 100%-ную предельную налоговую ставку уничтожила бы стимул зарабатывать эти доходы. Понимание этого факта позже было формализовано в том, что было названо теорией оптимального налогообложения, начало которой положил Фрэнк Рамсей [Ramsey 1927], и всесторонне проанализировано в множестве современных текстов (см., например: [Atkinson, Stiglitz 1980; Mirrlees 1994; Salanié 2003]). Проблема оптимального налогообложения рассматривается по аналогии с тем, как поровну поделить пирог, когда размер пирога уменьшается, поскольку большие куски могут быть сокращены и трансформированы в то, что изначально являлось меньшим куском. Если такая аналогия истолковывает бюджет как инструмент перераспределения богатства так, чтобы максимизировать некоторое понимание функции общественного благосостояния, то соответствующая литература склоняет нас в основном к умеренной налоговой ставке из-за допущения, что есть такой уровень повышения ставки налога, при котором желание платить его начнет сокращаться.

Безотносительно к частным представлениям об эластичности, вдохновлённое работами Эджворта направление фискальной теории истолковывает государство как автономного и выбирающего из альтернатив агента, разумное существо, которое вклинивается в общество с тем, чтобы реформировать то, что в противном случае развивалось бы самостоятельно, и то, что было бы создано в процессе открытой рыночной конкуренции. Подходящий метод анализа — сравнительная статика с фокусом на равновесных свойствах различных аллокативных вмешательств со стороны государства. Теория государственных финансов в традиции, заложенной Эджвортом, видит государство как автономное и реформирующее разумное существо и использует методологию сравнительной статистики для анализа и упорядочения конечных состояний, в отношении которых это существо осуществляет выбор. Разумеется, наличествует также финансовая литература, рассматривающая государства как нежелаемые формы организации, хищнические формы внутри общества⁷. Предлагая неплохой противовес чересчур оптимистичному подходу к фискальной деятельности, вдохновленному Эджвортом, данная литература по-прежнему концептуализирует государство как целенаправленную организацию, а не институционально опосредованный порядок человеческого взаимодействия.

Викселль, в 1896 г. сожалеющий по поводу того, что «за некоторыми очень незначительными исключениями теория государственных финансов кажется сохраняющей посылки своего становления в XVII и XVIII веках, когда Европа управлялась неограниченной властью» [Wicksell 1958: 82], несомненно, отнёс бы своё недовольство и в адрес Эджворта, если бы не издал свои труды на год раньше последнего. Направление, заложенное Викселлем, резко контрастирует с направлением Эджворта во многих отношениях. По Викселлю, правительство не было автономным агентом социетального реформирования (*societal reformation*), хотя ему присущ к таковому повышенный интерес. В самом деле, реформирование, а не только объяснение, несомненно, было основной задачей фискальной теории Викселля. В этой теории государство рассматривалось как процесс взаимодействия, а не одушевлённое существо. Индивидуальные участники могли быть смоделированы как максимизирующие выгоду создания, но государство, по существу, являлось просто полем взаимодействия индивидов. В направлении, заданном Эджвортом, люди пишут свои части чернового варианта манускрипта о социальной жизни, а правительство затем пересматривает и шлифует этот манускрипт. По Викселлю, люди пишут манускрипт от начала до конца, а государство выступает лишь одной из многих инстанций, где он разрабатывается. Фискальный феномен возникает из взаимодействия между участниками, и эти взаимодействия формируют обычаи и привычки конституированием институциональных правил. Верный своему «катал-

⁷ См. образцовые исследования: [Brennan, Buchanan 1980; Usher 1992].

лактическому» подходу, Виксель комбинировал пропорциональное представительство с принципом анонимности на пути к размещению правительства и рынка в одной плоскости.

Виксель опасался разъединения между рассмотрением государства как процесса взаимодействия и уподоблением его живому существу. Носитель абсолютной власти осуществляет выбор и только удалённо вовлечён в процессы обмена (*catallactical processes*).

Если правительство — это арена обмена (*catallaxy*), объяснение наблюдаемых результатов становится более сложным делом, включающим паттерны взаимодействия между участниками, сформированными, в свою очередь, широким многообразием институтов и обычаев, которые сами в некоторой степени были образованы взаимодействиями в прошлом. Рассматривая государство как единую сущность, которая вмешивается в полиархически организованный рыночный процесс, ведёт к простым и лёгким в использовании моделям, Виксель также неверно представляет задачи организации государственного управления. Управленческая ситуация такова, что люди самостоятельно участвуют в управлении; не государство (*the state*) управляет людьми. Осознание этого разделения ведёт, как точно показал Винсент Остром, к пониманию полицентричности правления: различные государственные организации предоставляют арены для участия людей в управлении своими взаимоотношениями и действиями [Ostrom 1999].

Резкий обмен репликами проясняет ситуацию

Некоторые любопытные аспекты практического применения разных теоретических рамок, привлекаемых к рассмотрению фискального феномена, можно найти в двух рецензиях, написанных на книгу итальянского исследователя финансов Антонио де Вити де Марко. Их предметом стало издание 1934 г. «Принципов финансовой экономики» [De Viti de Marco 1934], вышедшее впервые в 1888 г. [De Viti de Marco 1888]. Это издание наряду с предшествовавшим немецким переводом 1928 г. было проанализировано Фредериком Бенхэмом в выпуске «Economica» от августа 1934 г. [Benham 1934]. Бенхэм начал с предположения о том, что книга де Вити, возможно, лучшее исследование по теории государственных финансов из когда-либо написанных. Далее он отметил, что влияние де Вити оказалось ограниченным областью самой Италии наряду, возможно, со скромным влиянием в Швеции. Бенхэм сравнил «Принципы...» де Вити с «Принципами экономической науки» Альфреда Маршалла — по широте охвата и глубине прозрений — и высказал мысль о том, что государственные финансы, находящиеся в Англии в печальном состоянии, могут быть оживлены через подход де Вити. Среди заслуживающих внимания фигур (*noteworthy figures*), осмысливавших это плачевное состояние, Бенхэм выделяет Ф. И. Эджворта и А. С. Пигу. Бенхэм сравнивает подход к государственным финансам у де Вити с распространённым в Англии, заявляя, что после английской теории государственных финансов обращение к труду де Вити похоже на последовательное посещение сначала выставки в Королевской Академии художеств в Лондоне, а затем — галереи с картинами Сезанна. Бенхэм отмечает, что «Новые принципы справедливого налогообложения» Кнута Викселля, впервые изданные в 1896 г., дополняют труд де Вити. Заканчивая свой обзор, его автор пишет о том, что недостаток английских переводов является большой неудачей и потерей для всех изучающих государственные финансы в англоговорящих странах.

Английский перевод де Вити вышел в свет в 1936 г. [De Viti de Marco 1936] и был отрецензирован в октябре 1937 г. в выпуске «Journal of Political Economy». Генри Саймонс начал свою рецензию со следующего наблюдения [Simons 1937]: «Итальянская литература о государственных финансах долгое время оценивалась очень высоко и была в большом почёте, но притязания на особое отношение во многом были основаны на её недоступности для тех из нас, кто испытывал языковые трудности. Переводы знаменитого трактата де Вити на немецкий и английский, таким образом, дважды нами приветствуются (Оба были отрецензированы Г. Саймонсом. — *Автор*), поскольку делают возможным

консенсус на информационно более полной основе как в отношении достоинств итальянской экономической школы, так и в отношении компетентности той интерпретации и оценки, которую она получила в других странах».

После первоначальных скептических замечаний Саймонс предлагает нашему вниманию своё суждение о том, что было им обнаружено в обсуждаемых переводах: «Внимательное чтение <...> побуждает рецензента согласиться с критиками, тщетно искавшими в этом труде глубокий анализ и проницательные выводы. “Принципы...” предстали перед ним не как великая книга, но как <...> памятник <...> путанице» [Simons 1937]. Саймонс продолжает: «Здесь нет ни одного раздела или главы, которые рецензент может честно посоветовать знающему студенту, находящемуся в поиске неподдельных прозрений и понимания (*understanding*)» [Simons 1937]. В заключение, полемизируя с обзором Бенхэма, Саймонс отмечает: «Если эта книга и “лучший труд по теории государственных финансов из тех, что когда-либо были написаны”, надеемся, что он и последний <...> Сказать, что он выделяется среди работ по данной теме, значит вынести резкое критическое суждение о качестве экономической мысли по одному из важнейших её направлений» [Simons 1937].

Это столкновение не может быть отнесено к сколько-нибудь глубокому идеологическому расколу в отношении желаемой степени участия государства. Оба рецензента, как и де Вити, поддерживают в целом ориентацию на классический либерализм в отношении рынка и политики. Столкновение, скорее, прямо отразило различные концептуализации того, что должна достичь теория государственных финансов. Для Саймонса теория служит прямым инструментом государственного управления. Цель теории государственных финансов — советы правительству относительно того, что необходимо предпринять, чтобы сделать общество лучше. Люди могут создавать первый набросок своей экономической жизни действиями на рынке, но задача правительства состоит в том, чтобы улучшить и довести до совершенства своё вмешательство в рыночную экономику. Государство само остаётся в стороне рыночного процесса и вклинивается в него в соответствии с логикой, не имеющей отношения к тому, что преследовалось в качестве цели участниками рыночного процесса.

В противоположность этому, де Вити рассматривал государственный бюджет через другую теоретическую рамку, в которой эти бюджеты возникают в соответствии с той же экономической логикой, что относится и к формированию рыночных паттернов и последствий с должным учётом разницы между двумя подходами. Де Вити стремился вникнуть в содержание и изложить аргументы, понять логику налогов и расходов, составляющих государственный бюджет. Его теория государственных финансов не задумывалась для прямого использования в качестве инструмента реформирования под началом государства. Она была, скорее, спроектирована как комплементарный компонент предприятия социальной теории, задача которой состоит в характеристике того, как такие универсальные экономические категории, как полезность, спрос, стоимость, обмен, предпринимательство, играют роль в управлении той сферы человеческих взаимоотношений и деятельности, которые организованы политически. Для страстного реформатора, каким является Генри Саймонс, непредубеждённость и беспристрастность де Вити и Бенхэма, должно быть, являются волнующим и, очевидно, с таким же успехом выводящим из себя обстоятельством.

В предисловии к своей работе де Вити объясняет, что рассматривает государственные финансы в их теоретическом аспекте, в то время как многие критики его работы истолковывают государственные финансы в их практическом аспекте управления государством. Саймонс, безусловно, ориентируется на практические аспекты управления государством, на предприятие, подобное тому, что в настоящее время называют дизайном экономических систем. Целью налоговых теорий была разработка улучшений в системах социально-экономического порядка. Наука о государственных финансах включает применение экономической теории к частным вопросам государственного управления. Напротив, де

Вити рассматривает государственные финансы как теоретическую дисциплину, цель которой состояла в объяснении наблюдаемых принципов государственного управления. Государственные финансы были ветвью социального теоретизирования и не подотраслью дизайна экономических систем. Для де Вити направление приложения сил, посвящённое данной области, должно быть объяснено сообразно с теми же базовыми принципами, что и используются при характеристике производства корма для собак, томатного сока или брачного консультирования.

В то время как дихотомия между системным дизайном и социальным теоретизированием является категоричной, вышеупомянутые направления занимают законное место во всеобщей системе человеческой мысли. В противоположность кажущейся непримиримости двух подходов, воссозданной рецензентами, нет нужды в том, чтобы принимать один из них, одновременно отказывая второму в правомерности. Государственные финансы — это конвенциональный термин, описывающий два различных направления деятельности: (1) участие в государственном управлении и (2) построение теории общества и социетального процесса. Настоящая книга не отклоняется от курса де Вити, предполагающего рассмотрение государственных финансов как отрасли наук об обществе (*social theorizing*), специальным объектом которой является та часть (*portion*) социальной активности, что организована с помощью государственных должностей и соответствующих процессов.

Фокус на социальной теории, кроме того, конечно, более основателен, чем на системном дизайне. Этот последний руководствуется предположением о том, что институты суть правила, которые определяют последствия для общества, и, значит, могут быть заменены путём трансформации институциональных правил. Социальная теория, однако, предостерегает от совершения скачка от правил к результатам взаимодействия. В 1919 г. Соединённые Штаты приняли правила, запрещающие производство и потребление алкогольных напитков. Это изменение правил тем не менее внесло малую лепту в уменьшение оборота алкоголя, в то же время спровоцировав рост насилия, взяточничества и подпольной торговли⁸. Среди прочего, социальное теоретизирование исследует область охвата и пределы проектирования системы. И сухой закон в 1920-х гг., и попытки запрещения рекреационного использования психоактивных веществ в настоящее время отыгрываются совсем по-другому, чем попытки регулировать автомобильный поток в городах. Социальная теория может давать применимое на практике знание (*instruction*) о вариативной способности системного дизайна изменять социальные последствия на предсказуемый манер. Она также может обеспечивать проникновение в суть создания и долгосрочного сохранения мер, которые, как всякий запрет, являются в сильнейшей мере (*rampantly*) разрушительными.

Государство и рынок: разобщающее видение

Объектом критики Викселля была модель политической экономии, в которой индивиды управляют своими частными действиями посредством рыночных отношений и автономное государство вмешивается в рыночную экономику. Многие исторические факты представляют собой примеры, применительно к которым кажется, что данная разобщающая модель политической экономии работает достаточно точно. Часто приписываемое Людовику XIV утверждение «Государство — это я» есть предельный пример модели разобщающей политической экономии, представленной и в современной литературе по оптимальной системе налогообложения в рамках экономической теории благосостояния. Исследование государственных финансов Рагхбендой Джа достаточно типично в этом отношении, поскольку начинается с предположения, что «экономика общественного сектора представляет собой изучение государственного вмешательства в рынок» [Jha 1998: xii].

Для наследственных монархий как одной из форм абсолютистского государства, возможно, разумно

⁸ См., например: [Benson, Rasmussen 1991; Miron, Zwiebel 1991; Thornton 1991].

моделировать субъектов как соотносимых друг с другом в рамках рыночной экономики и моделировать правителей как вмешивающихся в рыночную экономику и рассматривающих её на собственных условиях. Короли могут, конечно, значительно различаться по результатам сделанного ими выбора, но фискальный феномен в любом случае возникнет именно из их выбора. Одно направление теории государственных финансов, акцентированное на выборе, главными инициаторами которого являются Эджворт и Рамсей, предпринимало попытки установить нормы для некоторого относительно благо-склонного правителя, что проиллюстрировано максимумами минимизации избыточного бремени налогообложения. Другое направление теории государственных финансов, основанное на теории выбора и представленное Амилькаре Пувиани [Puviani 1903], предпринимало попытки описать максимы, являющиеся эвристиками, с помощью которых правитель или правящая клика могли максимизировать текущую стоимость своих владений (*personal account*). В обоих случаях государство концептуализировалось как автономная сущность, по собственному решению вмешивающаяся в рыночные отношения, но с различными функциями полезности правителя.

На рисунке 1 в виде графической схемы показана разобщающая модель политической экономики. Круги обозначают отдельных граждан, а квадраты — представителей правящей элиты или, возможно, королевскую семью. В данной схеме правящие круги показаны как взаимосвязанные, чтобы продемонстрировать, что они действуют как единый актор (или, что эквивалентно, как сбалансированная совокупность лиц). Король и его семья могли бы стать социологической конкретизацией такой аналитической конструкции. Напротив, отдельные граждане, соотносящиеся один с другим в пределах рыночной экономики, формируют неполную сеть, что соответствует формулировке Джейсона Поттса для моделирования процессов постоянного развития [Potts 2000]. Двойная стрелка обозначает вмешательство государства в экономику; одно направление относится к требованию выручки со стороны правителя, тогда как другое показывает согласие субъектов с этим требованием. Данная аналитическая модель очень хорошо отражает характерные черты наследственной монархии. Также она хорошо соответствует ориентации системного дизайна современной налоговой теории, в которой экзогенное государство вмешивается в устройство рынка.

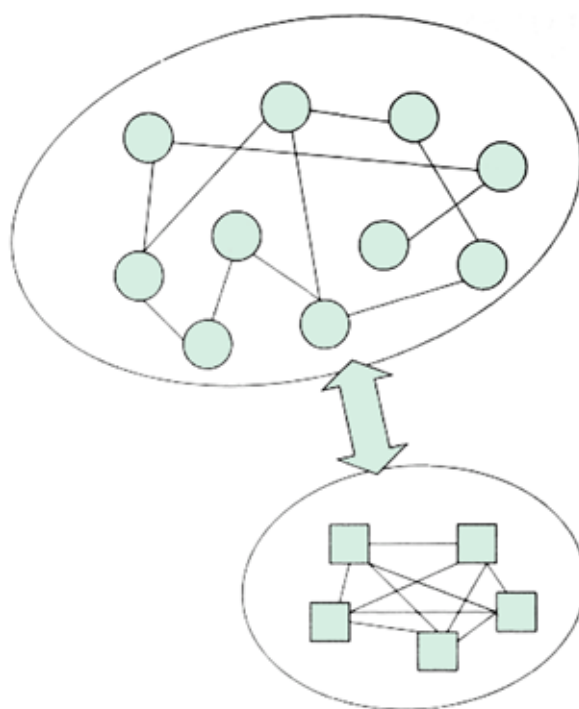

Рис. 1. Разобщающая модель политической экономики

В рамках данного направления аналитическая программа теории государственных финансов содержит два основных компонента. Один компонент есть следствие стремления формулировать стандарты или критерии просвещённого вмешательства. Надо отметить, что данная литература не писалась под презумпцией того, что правители обязательно просветленны, и тем более под презумпцией того, что таковы большинство из них. Если оставить в стороне те формулировки, которые мы находим у Пувиани [Puviani 1903], то, очевидно, выглядит естественным, что такие логические рассуждения должны быть направлены, скорее, на благожелательный, чем на злонамеренный, стандарт. Содержательные разногласия сопровождали формулирование таких стандартов, но сами эти разночтения относились к тому, в чём будет состоять благожелательное по существу вмешательство в рыночно организованные модели и его последствия. Субъект интервенции должен находиться вне рыночного процесса и не может возникнуть внутри его или участвовать в нём. Или, иначе и согласно Бьюкенену [Buchanan 1959], фискальный эксперт может просто продвигать план изменений, исходя из предположения, что это в целом выгодно, причём корректность этой гипотезы проверяется впоследствии по степени согласия, полученного от общества.

Вторым аналитически выделенным компонентом теории государственных финансов в рамках разобщающей политической экономии является анализ свойств различных фискальных мер. Теория государственных финансов в её разъединяющей версии имеет два аналитических уровня. Первый имеет отношение к формулированию норм; второй относится к последствиям фискальных вмешательств, имеющих место в действительности. На уровне нормативного анализа может быть выдвинуто требование, чтобы фискальные меры уменьшали неравенство, которое возникает в процессе рыночного взаимодействия. Положительный уровень (*the positive level*) анализа рассматривает действительные финансовые меры для определения их влияния на перераспределение. В той мере, в какой благожелательные власти управляют обществом на первом уровне, результаты положительного анализа на втором уровне будут даже подтверждать решения, сделанные на первом уровне, или приведут к модификациям этих вариантов.

Кажется разумным моделировать фискальные действия некоторого абсолютного правителя с помощью теории выбора⁹. Эти фискальные действия представляют собой результаты выбора данных правителей, и наблюдение за такими результатами приведёт к пониманию предпочтений и ценностей данных правителей. Модель, воспроизведённая на рисунке 1, соответствует специфическому типу общества, где правители оторваны и остаются в стороне от общества, которым правят. Общества с демократическими политиями, которые, однако, не соответствуют рисунку 1 из-за разобщённости рынка и государства, ведут к возникновению связующей политической экономии, как это объясняет Ричард Вагнер [Wagner 2006].

Государство и рынок: связующий взгляд

Поскольку наследственная монархия вытесняется демократическим или республиканским режимом, трансформация отношения между правителями и рынком происходит в связующей структуре общества. Королевские династии утратили свои земли и привилегии, их представители поступают на работу и становятся относительно обычными людьми. Разделение между правителями и управляемыми размылось. В схеме ситуации после такой эрозии квадраты и круги, показанные ранее на рисунке 1, соединены, чтобы образовать общество, изображённое на рисунке 2. Государство более не является созданием, которое осуществляет управление обществом, поскольку представляет собой порядок и целенаправленную организацию. Конечно, всегда возможно агрегировать действия различных кругов,

⁹ Даже понятие абсолютного правителя является концептуальной абстракцией, как это раскрывает Норберт Элиас в своём рассмотрении социальных отношений в придворном обществе [Elias 1982; 1991]. (См. также [Элиас 2001a; 2001b]. — *Примеч. ред.*).

изображенных на рисунке 2, и ссылаться на этот агрегат как отражающий нечто, называемое *продуктом государства*.

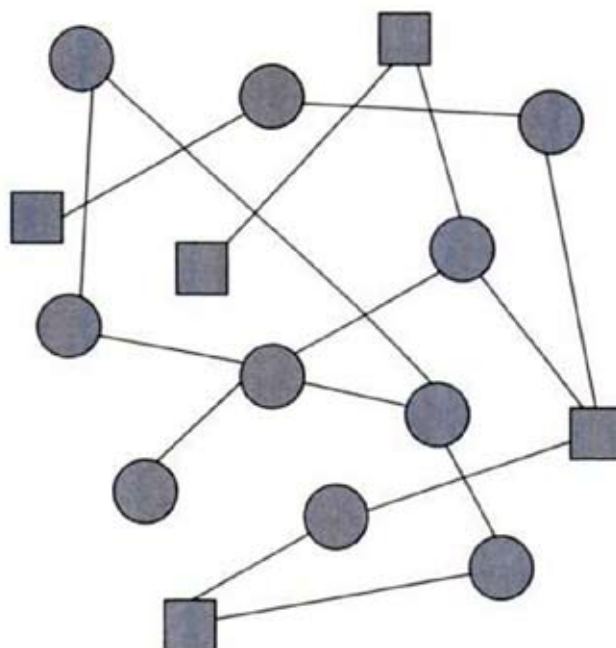

Рис. 2. Связующая политическая экономия

И эта ситуация отличается от агрегирования всех кругов и обозначения результата как *продукта рынка*. Рисунок 1 подразумевает общество со строгим разделением на правящих и управляемых; рисунок 2 — общество, где одни члены правящей династии занимают политические позиции, тогда как другие — коммерческие и промышленные. Брат может быть политиком, тогда как сестра занимается коммерцией. Повсюду в стране — в классных комнатах, клубных помещениях, в церкви — вы найдёте представителей всех видов деятельности.

В рамках связующей политической экономии государство не является разумным существом, которое вторгается в рыночную экономику, но, скорее, представляет собой институциональный процесс или место общественно-политической жизни, где люди взаимодействуют друг с другом. Социологическая теория государственных финансов есть изучение средств, используемых людьми для самоуправления. Этим мы не хотим сказать, что всё, что делает государство, приемлемо для каждого. Мы хотим сказать только, что деятельность государства проистекает из общества и те же мотивы и побуждения, которые порождают деятельность государства, производят также и с таким же успехом и рыночную активность.

Различие между разобщающим и связующим взглядами может быть проиллюстрировано простым примером. Где-то в городе создаётся предприятие, которое предоставляет услуги широкополосного доступа в Интернет для жителей города. Какой интерес представляет данное предприятие для теории государственных финансов? В рамках разъединяющего подхода предприятие по предоставлению широкополосного Интернета будет рассмотрено с одной из некоторых возможных телеологических перспектив. Например, кто-то будет защищать такой проект как средство компенсации предполагаемых провалов рынка. А другой может оспорить эти притязания, как это проиллюстрировано Джозефом Бастом [Bast 2002]. Муниципальное предприятие может быть охарактеризовано не столько как компенсация провалов рынка, сколько как средство субсидирования политически лояльным клиентам и

сторонникам. Так или иначе, запуск муниципальной широкополосной сети будет рассматриваться как интервенционистский акт, последствия которого могут подлежать телеологическому анализу: тогда как одни аналитики могут приписывать этому действию усовершенствование рыночного механизма, другие станут описывать его как искажение рынка.

Напротив, социологическая теория государственных финансов будет стремиться в первую очередь к исследованию создания такого предприятия. За созданием предприятия стоит предпринимательский акт. Капитал, задействованный для реализации предприятия, мог быть использован иначе. Точно так же как у капитала есть стоимость, в случае государственных финансов должна быть и предполагаемая выручка. Безусловно, в случае муниципального предприятия нет явных акционеров. Тем не менее его никогда бы не создали без обещания выручки его спонсорам. Вызов для теории государственных финансов в её связующей версии состоит в характеристике финансового предпринимательства в соответствии с той же, по существу, экономической логикой, которая используется для характеристики рыночных предприятий, с соответствующим учётом относящихся к делу институциональных различий между сферами рынка и государства (*market squares and public squares*). Вызов для социологической теории государственных финансов состоит в объяснении смысла и разумных причин государственного участия в экономике, возникшего внутри общества; в объяснении того, как возникновение этого участия приобретает структуру и реализуется при помощи институционально опосредованных отношений.

Публичное, частное и организация правления

Теория общественных благ является одним из важнейших оснований, на которых была воздвигнута теория государственных финансов; по крайней мере, по отношению к разобщающей версии этой теории. Дихотомия между частными и общественными благами, кажется, непосредственно отображается в дихотомии между рынками и правительствами как способами организации экономики; рынки организуют предложение частных благ, а правительства — предложение общественных благ. Попытка работать с этой дихотомией породила множество исследований и обсуждений о публичном или частном характере многочисленных товаров и услуг; большинство из них относительно безрезультатны и (или) неубедительны.

Теоретическая дихотомия слишком категорична, как это показано у П. Самуэльсона [Samuelson 1954; 1955]. Совокупный спрос на частные блага определён сложением величин спроса различных индивидов. Для общественных благ тем не менее всё произведённое одинаково доступно для каждого. Если само производство товара осуществляется с тем, чтобы сделать его доступным для всех, можно обоснованно удивляться тому, как его производство будет оплачено. Кто-то доказывает, что пока общественные блага помещены за некоторое ограждение, рынки могут организовывать свой спрос, и проблемы, порождаемые общественными благами, исчезают. Но не до конца. По крайней мере, проблемы сохраняются с точки зрения паретовской экономики благосостояния. Ограждение не допустит к общественному благу тех, кто не готов платить входную плату. Но исключение кого-либо из потребления блага не влияет на издержки, отсюда следует, что это исключение нарушает стандартные условия первого порядка для Парето-эффективности.

Пока кинозал не забит людьми, показ в нём фильма является общественным благом. Если вместимость составляет 500 мест и 300 человек заплатят за вход по 5 дол., исход будет неэффективным по Парето ровно до тех пор, пока есть люди, которые согласны пойти на сеанс менее чем за 5 дол. Однако обозначить эту ситуацию как неэффективную не означает, что есть какой-то лучший способ организации предложения фильмов. Прежде всего, частный владелец кинозала имеет сильные стимулы увеличивать число зрителей до тех пор, пока итоговая предельная выручка превышает предельные издержки

ки, которые сами по себе предполагаются равными нулю в теоретических формулировках. Что это означает? То, что некоторая система дифференцированного ценообразования (*multiple pricing*) будет типичной для данных обстоятельств (см. [Brancato, Wagner 2004]), и неплохой иллюстрацией этого является огромное разнообразие тарифов авиакомпаний на один перелёт. Это не подразумевает того, что максимизация выручки даёт такой результат распределения ресурсов, который является Парето-эффективным. Просто нет способа это вычислить, и в понимании этого лежит основная болезненная слабость распространённой дихотомии между общественными и частными благами, её неспособность разрешать в приемлемом ключе вопросы, относящиеся к организации и производительной деятельности в обществе.

Есть многочисленные случаи, когда схожие предприятия организуются обоими способами — на рыночный и на политически обусловленный манер: существуют как частные госпитали, так и государственные; теннисные корты и площадки для гольфа, организованные как государством, так и на основе рыночных договорённостей. То же верно для парков, библиотек и образовательных сервисов. Существуют поддерживаемые государством предприятия, которые помогают людям изучать иностранные языки, а также рыночные, которые делают то же. Аналогично и с предоставлением охранных услуг. Словом, теория общественных благ свыглядит лишь слабо связанной с феноменом государственных финансов. Дихотомия между общественными и частными благами видится органично отражающей разъединение между областями, с государством, предоставляющим общественные блага, и рыночными организациями, предоставляющими частные блага. Однако такое разъединение в целом не соответствует действительности.

Возможно, сама дихотомия между частными и общественными благами является обезоруживающим фактором, в частности, в результирующем сдвиге внимания от вопросов институциональной организации к вопросам размещения ресурсов¹⁰. Пространство публичного, конечно, широко. Наибольшая экономическая активность свойственна организованным общественным пространствам. Места торговли — это общественные пространства. Публичное возникает всякий раз, когда объединяется множество людей. Во многих случаях организация публичного находится в постоянном изменении, что может быть проиллюстрировано на покупателях розничного магазина; тем не менее эти клиенты образуют публику. Любой, кто был потревожен в театре кем-то, разговаривающим рядом, может подтвердить, что просмотр спектакля в театре есть публичное действие в отличие от домашнего просмотра. Однако обычно организация и управление большим разнообразием общественных кругов обеспечиваются в открытой и полицентрической форме, а не через иерархическое упорядочение, предполагаемое теорией общественных благ.

Для связующей политической экономии институциональные схемы управления располагаются на авансцене аналитического внимания, в то время как вопросы о размещении ресурсов составляют аналитический бэкграунд. Ресурсы всё же не могут разместить себя сами. Только люди способны это сделать, что и происходит внутри институциональной рамки, которая принуждает, упрощает и направляет такие усилия. Объект исследования для связующей политической экономии — то, как люди участвуют через правительство, чтобы достичь различных целей, более того, при осознании, что люди преследуют различные частные интересы. Фискальный феномен, точно так же как и рыночный, возникает через взаимодействие людей. Это взаимодействие может быть выгодным для каждого или почти для каждого, но может быть выгодным только для некоторых, зато затратным для многих других. Государство — это просто связка контрактных и властно-подчинённых отношений, где все участвуют в разной степени и не всегда добровольно. Мера, в которой данные отношения являются контрактными или властно-подчинёнными, зависит от наличия базовой или готовой к применению структуры управления.

¹⁰ Конструктивную попытку сформулировать теорию государственных финансов на основе институционального устройства см.: [Buchanan 1968].

Хорошо говорить, что налоги есть цена, которую мы платим за цивилизацию. Это не означает, однако, что взаимоотношения между гражданами и государством те же самые, что и между клиентами и часто ими посещаемыми торговыми точками. Клиент может отказаться от покупки или вернуть дефектный, а также неустроивший его товар. В политике таких возможностей нет. Слова о том, что цивилизация была оценена слишком дорого, и отказ от уплаты только приведут протестующего в тюрьму. И нет, безусловно, смысла в том, чтобы просить о компенсации, заявляя, что предложения (*offerings*) государства не были так хороши, как его обещания.

Говорить от лица каталлактического подхода (*catallactical approach*) к государственным финансам означает только то, которые этот феномен возникает в процессе взаимодействия между людьми, теми же самыми людьми, что взаимодействуют друг с другом в рамках рыночной экономики. Множество явлений в области государственных финансов, конечно, возникают через принуждение и не через неподдельное согласие. Этот аспект давления был акцентирован в значительном количестве итальянских исследований государственных финансов, что было отмечено Джеймсом Бьюкененом и Ричардом Вагнером [Buchanan 1960; Wagner 2003]. А каталлактический подход в отношении организации экономики публичного сектора ведёт прямо к концептуализации полицентричных государственных финансов. В рамках этой концептуализации наличествует открытая конкуренция внутри публичной сферы в вопросах организации и деятельности предприятий, которые оказывают услуги клиентам и предлагают часть дохода спонсорам; такая конкуренция опосредована институциональной рамкой гражданского управления внутри публичной площадки.

Широкое рассмотрение полицентричной публичной экономики ведёт к пониманию того, что множество разных предприятий вовлечены в предоставление услуг в рамках публичного пространства. Как показывает Винсент Остром, неверно, будто вода поставляется или рыночными организациями, или государствами [Ostrom 1962]. Скорее, ситуация такова, что есть несметное количество различных предприятий, поставляющих воду, и они функционируют в соответствии с некоторым количеством организационных рамок. Это прямое основание для того, чтобы концептуализировать отрасль коммунальных услуг (*municipal service industry*), как это было сформулировано у Винсента Острома, Шарля Тибу и Роберта Уоррена [Ostrom, Tiebout, Warren 1961] и конкретизировано Винсентом Остромом [Ostrom 1973].

Ресурсы не разместят сами себя; не смогут присвоить себе функции. Это могут делать только люди, что они и делают, заключённые в институциональные механизмы, которые проводят и ограничивают то, что люди знают и как они поступают. Правительство — это просто подкласс из мириад арен человеческого взаимодействия в публичной сфере; эти взаимодействия создают широкое разнообразие предприятий; некоторые создавались в рыночной среде, другие — в политической с различной степенью комплементарности и сотязательности между предприятиями. В рамках социологической теории государственных финансов учреждение и последующая поддержка политических предприятий наряду с их отношениями с рыночными предприятиями составляют фокус аналитических усилий.

Теория государственных финансов, основанная на предприятиях

Важнейшим элементом анализа в теории государственных финансов, с точки зрения предприятий, является политическое предприятие, представляющее собой политический аналог фирмы в контексте рыночной теории. То, что мы называем государством или правительством, не есть само по себе предприятие. Это, скорее, арена, на которой создаются, существуют, функционируют и даже ликвидируются предприятия. Все предприятия — это общественные образования; в них входит множество людей, публика. Назвать эту множественность публичной не означает, что она учреждает государство в смысле, используемом в теории общественных благ. Существуют многочисленные специфические пути,

через которые управление мириадами общественных объединений (*publics*), составляющих общество, может быть конституировано; изучение форм таких объединений — сфера наук о человеческом объединении.

Мириады объединений, которые существуют в обществе, составляют его предприятия. Эти предприятия организованы, в свою очередь, в рамках ряда (*variety*) различных арен, сфер интересов. Теоретическая экспозиция чистой рыночной экономики постулирует одну специфическую арену для организации предприятий. Это арена, характеризующаяся частной собственностью и правом заключать договоры (*liberty of contract*). Безусловно, в действительности частная собственность не абсолютна, и право заключать договоры ограничено по многим направлениям, как это будет показано более полно в главе 2.

Тем не менее мы можем рассматривать рынок как абстрактное понятие, обозначающее, среди прочего, рамку принципов и правил человеческого взаимодействия, через которую люди могут стремиться организовать предприятие и продвигать его.

Но рынок не единственная арена, внутри которой могут быть организованы предприятия. Политика представляет собой другую арену. Винсент Остром [Ostrom 1962] описывает, как организация водоснабжения подразумевает и рыночные, и политически организованные предприятия. Взаимодействия между различными рыночными организациями могут быть комплементарными или соревновательными; такими же способны быть и взаимоотношения между политически организованными предприятиями. К тому же сходные принципы комплементарности и соревновательности могут характеризовать отношения между рыночными и политическими предприятиями. Политически и рыночно организованные предприятия влияют друг на друга несметным количеством способов. Некоторые из этих отношений производят широкое, повсеместное продвижение. Другие ведут к продвижению одних людей за счет других, проявляясь как принуждение в деятельности политических предприятий. Независимо от частного характера таких взаимодействий, государство предстаёт не агентом, способным к выбору, но связкой или ареной контрактных или властно-подчинённых отношений. В любом случае использование таких универсальных экономических категорий, как спрос, цены, доходы и предпринимательство, было бы полезным в объяснении функционирования и управления политическими предприятиями, как характеризующих обычную коммерческую активность и отношения, несмотря на то что они покажут себя по-разному применительно к различиям институциональных рамок.

Достаточно легко думать о городской индустрии перевозок как включающей многих различных участников. Для начала предположим, что все участники связаны добровольными отношениями в рыночной экономике. Соответственно, одни люди могут перемещаться на собственных автомобилях каждый день, тогда как другие — основывать компании, предоставляющие услуги такси или лимузина. Кроме того, есть люди, которые создадут автобусный сервис, монорельс, попробуют учредить подземный транспорт. Все эти предприятия могут быть управляемы в частном порядке компаниями, нацеленными на получение прибыли (*profit-seeking companies*). Но если так, то это будет производной чертой процесса, а не чем-то продиктованным заранее. Не исключено также наличие некоторых кооперативов, участвующих в индустрии, и даже с долей муниципальной собственности.

Перспектива муниципальной собственности рождает возможные конфликты между предприятиями, организованными на политической и рыночной основах, что было осознано Маффео Панталеони и тщательно разработано Ричардом Вагнером [Pantaleoni 1911; Wagner 1997b]. Для спонсируемых государством предприятий есть один выход: участие в полицентричном социетальном процессе на тех же условиях, что и для других участников. Это потребует от муниципально спонсируемых транзитных

предприятий борьбы за клиентов на тех же основаниях, что и другие предприятия. Правительства, однако, могут субсидировать предприятия, которые в противном случае придут к краху в ситуации открытой конкуренции с частными предпринимателями. Они могут также наложить ограничения возможностей на конкурирующие предприятия, как это трактуется Даниелем Клейном [Klein 1997]. Соревновательная способность организованных в частном порядке автобусных компаний может деградировать при требовании для них обслуживать маршруты и расписания, которые являются невыгодными. Соревновательная способность муниципальной компании по перевозкам может быть усилена ограничением количества парковочных мест, например, рядом с зданиями в центре города. Наличествует неограниченное число путей для использования государством налогообложения и прочего регулирования, с тем чтобы обеспечить преимущества в безопасности для предприятий, которые оно спонсирует, по сравнению с другими предприятиями, функционирующими в обществе.

Высказывание о том, что правительство обеспечивает преимущества предприятиям, которые оно субсидирует, необязательно означает негативное оценочное суждение. Несколько убедительных аргументов были выдвинуты при объяснении того, как и почему рыночная организация, занимающаяся городскими перевозками, может соответствовать стандартным требованиям рыночного провала. Например, Роджер Шерман утверждает, что частная собственность на автомобили создаёт предубеждение против использования возможностей общественного транспорта [Sherman 1967]. Однажды принятое решение о приобретении собственного автомобиля, предполагает со стороны пассажира сравнение между автомобилем и общественным транспортом на основе предельных издержках использования автомобиля, тогда как цена на проезд в общественном транспорте может включать затраты на амортизацию капитального оборудования. Излагая сходную аргументацию, Дональд Шуп утверждает, что предоставление бесплатных парковочных мест в городских районах подобным образом негативно влияет (*bias*) на общественный транспорт [Shoup 2005]. Но эти аргументы попадают в сферу системного дизайна, тогда как данная книга следует социально-теоретическому направлению, цель которого состоит в целостной характеристике паттернов деятельности, предпринимаемой в рамках публичного пространства.

В рамках социально-теоретической ориентации политическое предприятие предоставляет начальную точку анализа. В любой момент времени общество содержит некоторую сеть предприятий. Одни из них организованы посредством участия в пространстве рынка, другие — посредством пространства политики. Одной из аналитических задач является объяснение характерных черт экологии предприятий, существующей в обществе. Стандартная дихотомия между общественными и частными благами мало поможет в реализации этой задачи. Прежде чем решать данную аналитическую задачу, необходимо рассмотреть место собственности в теории государственных финансов. Чистая теория рыночной экономики базируется на идеализации универсальной частной собственности и полной свободе заключения договоров. Феномен государственных финансов, однако, основан на отрицании подобных идеализаций. Существует несколько значимых несоответствий между теорией рыночной экономики и теорией государственных финансов, к которым в первую очередь следует обращаться перед тем, как начать экспозицию социологической теории государственных финансов.

Краткий экскурс в предмет и метод

Готовя еду, вы не представляете, как обойтись без специй и приправ, но понимаете, что эти ингредиенты занимают лишь второстепенное место в процессе приготовления пищи. Методология, казалось бы, занимает позицию, близкую к специям и приправам: она превосходна, но нельзя допустить, чтобы она перекрыла вкус пищи. Методологические вопросы будут исследоваться на протяжении всей этой книги, но одно резюмирующее утверждение может быть полезным и на этом этапе, чтобы избежать непонимания в том, что я собираюсь сделать в этой книге, поскольку данная работа отличается от большинства современных исследований по государственным финансам как сущностно, так и методо-

логически. Существуют четыре связанные темы, значимые методологически, которые важны для этой книги и отделяют данную работу от многих исследований по государственным финансам: (1) рассмотрение двунаправленного взаимоотношения между разумом и обществом в противоположность воззрению, полагающему разум независимым от общества; (2) акцент, скорее, на моделировании «изнутри наружу» (*inside-out*), а не на «снаружи внутрь» (*outside-in*); (3) фокусировка на процессах развития, но не на равновесных состояниях; и (4) приятие приоритета разумной постижимости над предсказанием как исходный предмет (*object*) фискальной и социальной теорий¹¹.

В большинстве случаев в теоретических работах по экономике разделяются идеи Джорджа Стиглера и Гэри Беккера [Stigler, Becker 1977] относительно того, что мнения и намерения людей — их разум — независимы или автономны, если рассматривать их по отношению к социальным взаимодействиям. Меня же интересуют двунаправленные отношения между разумом и обществом, поэтому я использую идеи Георга Зиммеля [Simmel 1978], Вильфредо Парето [Pareto 1935] и Норберта Элиаса [Elias 1982; 1991]¹². С одной стороны, взаимодействие разумов создаёт и трансформирует социальные структуры; с другой стороны, данные структуры направляют и оформляют цели, выбираемые людьми, и те средства, которые употребляются для их достижения. Подобно Тони Лоусону [Lawson 1997; 2003], я отношусь к разуму и обществу как к объективно существующим (*real*) категориям бытия, и в таком случае общество не может быть редуцировано к индивиду, хотя оно не может существовать без его членов. Объектно ориентированное программирование предлагает понимание этого момента, и в качестве примера такого понимания можно привести вычислительную модель автомобильных «пробок» Митчелла Резника [Resnick 1994]. В этой модели все автомобили постоянно движутся вперёд, а «пробка» перемещается назад. Последняя представляет собой полноправный объект, отличный от конкретных автомобилей, даже если те её и составляют. То же самое и с отношением между разумом и обществом.

Рассуждение о людях отличается от рассуждения о термитах или деревьях, поскольку люди — внутри объекта, о котором рассуждают. Изучая термитов или деревья, нет иной возможности, кроме как наблюдать за ними извне, делая заключения о том, что происходит в их внутреннем мире, и единственной проверкой на разумность суждений может быть некоторая мера связи между гипотезами теории и наблюдаемыми результатами. Напротив, в отношении наук о человеке рассуждения для достижения общих выводов возможны изнутри. В самом деле, большинство рассуждений об обществе могут быть проведены только с этих позиций. Утверждение, что люди стремятся к эффективности в применении средств достижения целей, не является выводом из наблюдения со стороны или вмешательства, но, скорее, характерной чертой, выведенной из самоанализа. Чтобы быть уверенным, рассуждение «изнутри наружу» служит инструментом, который необходимо использовать с осторожностью из-за опасности того, что его применение может вылиться в битву противостоящих друг другу предрассудков и интуиций. Тем не менее существует множество утверждений об успешном действии, которое может быть вразумительно проинтерпретировано в терминах чистой логики выбора, поскольку такая логика хорошо укладывается в логику успешного поведения. Мы знаем изнутри: люди не намерены провалить то, что они пытаются сделать.

Равновесие ощутимо, даже если, возможно, к индивиду применяется специфическое определение, подразумевающее внутреннюю согласованность индивидуального спланированного паттерна поведения относительно привлечения средств следования целям. Совершенно другое дело — применять определения равновесия к обществам. Общество не является живым существом, от которого мы мо-

¹¹ Отсылаю читателя к работам, которые я считаю особо ценными в этом отношении: [Stonier, Bode 1937; Bode 1943; Mises 1966: 1–199 (особенно); Lachmann 1971; 1977]. (См. также: [Мизес 2005]. — *Примеч. науч. ред.*)

¹² См. также [Элиас 2001а; 2001б]. — *Примеч. науч. ред.*

жем ожидать согласованности поступков; скорее, это — арена взаимодействия акторов. Верно, что социальные процессы протекают в целом упорядоченно, хотя не всегда, и никогда — полностью. Люди стремятся к успешному действию, и долгие годы развивали различные обычаи и конвенции, которые упрощают подобный успех. В то время как в общественной жизни многое связано с постоянством, есть и частные, относительно краткие периоды времени, турбулентные в изрядной мере, обнаруживающие себя в прибыли и потере капиталов. По моему мнению, наиболее основополагающие черты социальной жизни — не повторение, репродукция или стагнация, но созидание, инновация и турбулентность. Вызов для фискальной теории, как и для социальной в целом, состоит в приложении умпостигаемого аспекта социальной жизни и паттернов к обстановке протяжённого во времени и турбулентного развития.

Решение интерпретировать умпостигаемую социальную жизнь в терминах преследования людьми своих планов, конечно, несколько контрастирует с требованиями о том, что теория должна предсказывать социальные последствия. Конечно, следующий месяц будет значительно похож на этот, и из-за наличия таких регулярностей возможны слабые формы предсказания. Например, достаточно легко предсказать, что государство, которое повышает налог на алкоголь или табак, обнаружит, что его резиденты всё в большей мере участвуют в подпольной экономике. Но социальная интеракция даёт результат даже больший, что иллюстрируется усилением взяточничества, жестокости и правового нигилизма. Эти другие последствия — в большей степени продукты взаимодействия, чем прямого выбора, хотя, в принципе, их можно было бы отнести к категории «прогноз». Тем не менее, выражаясь прагматически, масштаб того, что выясняемо прогностически, уже того, что может быть рассмотрено умозрительно.

То, что мы в состоянии прогнозировать, ограничено доступностью созданной вовне информации, тогда как наша способность понимания гораздо шире. Кроме того, прогнозирование поражено проблемой знания, которая не затрагивает умпостижение. Можно искать прогноз социальных паттернов на следующий месяц, исходя из того, что люди знают сейчас. Однако пока люди живут, они учатся, что, в свою очередь, изменяет их поведение, и, таким образом, подрывается основание для ранее сделанного прогноза. Ясность равновесия устойчивого состояния даёт путь к пониманию силы начавшегося развития. Прогноз — это разумный стандарт для любой закрытой системы, к которой относится равновесие. Но для открытой системы, характеризующейся неустойчивостью, внедрившейся параллельно с новшеством, соответствующая цель теоретической деятельности состоит в том, чтобы разумно интерпретировать социальную жизнь в терминах преследования индивидами собственных целей в рамках социального окружения.

Литература

- Кейнс Дж. М. 2007. *Общая теория занятости, процента и денег. Избранное*. М.: ЭКСМО.
- Мизес Л. фон. 2005. *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*. Челябинск: Социум.
- Элиас Н. 2001а. *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования*. М.; СПб.: Университетская книга.
- Элиас Н. 2001b. *Общество индивидов*. М.: Праксис.
- Atkinson A. B., Stiglitz J. E. 1980. *Lectures on Public Economics*. New York: McGraw-Hill.
- Backhaus J. G., Wagner R. E. 2005a. *From Continental Public Finance to Public Choice: Mapping Continuity*.

History of Political Economy Annual Supplement. 37: 314–332.

- Backhaus J. G., Wagner R. E. 2005b. Continental Public Finance: Mapping and Recovering a Tradition. *Journal of Public Finance and Public Choice*. 23: 43–67.
- Bast J. L. 2002. *Municipally Owned Broadband Networks: A Critical Evaluation*. Chicago: Heartland Institute.
- Benham F. 1934. Review of Principii di Economia Finanziaria. *Economica*. 1: 364–367.
- Benson B. L., Rasmussen D. W. 1991. The Relationship between Illicit Drug Enforcement Policy and Property Crimes. *Contemporary Policy Issues*. 9: 106–115.
- Blankart C. B. 1991. *Offentliche Finanzen in der Demokratie*. Munich: Franz Vahlen.
- Bode K. 1943. Plan Analysis and Process Analysis. *American Economic Review*. 33: 348–354.
- Bowles S., Gintis H. 1993. The Revenge of Homo Economicus: Contested Exchange and the Revival of Political Economy. *Journal of Economic Perspectives*. 7: 83–102.
- Brancato K., Wagner R. E. 2004. Inefficient Market Pricing: An Illusory Economic Box. *Journal of Public Finance and Public Choice*. 22: 3–13.
- Brennan G., Buchanan J. M. 1980. *The Power to Tax: Analytical Foundations of a Fiscal Constitution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brosio G. 1986. *Economia e Finanza Pubblica*. Rome: La Nuova Italia Scientifica.
- Buchanan J. M. 1959. Positive Economics, Welfare Economics, and Political Economy. *Journal of Law and Economics*. 2: 124–138.
- Buchanan J. M. 1960. The Italian Tradition in Fiscal Theory. In: Buchanan J. M. *Fiscal Theory and Political Economy*. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 24–74.
- Buchanan J. M. 1967. *Public Finance in Democratic Process*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Buchanan J. M. 1968. *The Demand and Supply of Public Goods*. Chicago: Rand McNally.
- Buchanan J. M., Musgrave R. A. 1999. *Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Cullis J., Jones P. 1998. *Public Finance and Public Choice*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
- Edgeworth F. Y. 1958 [1897]. The Pure Theory of Taxation. In: Musgrave R. A., Peacock A. T. (eds) *Classics in the Theory of Public Finance*. London: Macmillan; 119–136.
- Elias N. 1982. *The Civilizing Process*. New York: Pantheon Books.

- Elias N. 1991. *The Society of Individuals*. Oxford: Basil Blackwell.
- Hayek F. A. 1973. *Rules and Order*. Chicago: University of Chicago Press.
- Jha R. 1998. *Modern Public Economics*. London: Routledge.
- Kayaalp O. 2004. *The National Element in the Development of Fiscal Theory*. Houndmills, UK: Palgrave Macmillan.
- Keynes J. M. 1936. *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. New York: Harcourt, Brace.
- Klein D. B. 1997. *Curb Rights: A Foundation for Free Enterprise in Urban Transit*. Washington: American Enterprise Institute.
- Lachmann L. 1971. *The Legacy of Max Weber*. Berkely, CA: Glendessary Press.
- Lachmann L. 1977. *Capital, Expectations, and the Market Process*. Kansas City: Sheed Andrews and McMeel.
- Lawson T. 1997. *Economics and Reality*. London: Routledge.
- Lawson T. 2003. *Reorienting Economics*. London: Routledge.
- Leijonhufvud A. 1967. *On Keynesian Economics and the Economics of Keynes*. Oxford: Oxford University Press.
- Miron J. A., Zwiebel J. 1991. Alcohol Consumption during Prohibition. *American Economic Review, Proceedings*. 81: 242–247.
- Mirrlees J. A. 1994. Optimal Taxation and Government Finance. In: Quigley J. M., Smolensky E. (eds) *Modern Public Finance*. Cambridge, MA: Harvard University Press; 213–231.
- Mises L. von. 1966. *Human Action*. 3rd ed. Chicago: Regnery.
- Ostrom V. 1962. The Water Economy and Its Organization. *Natural Resources Journal*. 2: 55–73.
- Ostrom V. 1973. *The Intellectual Crisis in American Public Administration*. Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press.
- Ostrom V. 1999. Polycentricity. In: McGinnis M. D. (ed.) *Polycentricity and Local Public Economics*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 52–74, 119–138.
- Ostrom V., Tiebout C. M., Warren R. 1961. The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry. *American Political Science Review*. 55: 831–842.
- Pantaleoni M. 1911. Considerazioni sulle Proprieta di un Sistema di Prezzi Politici. *Giornale degli Economisti*. 42: 9–29, 114–133.
- Pareto V. 1935. *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*. New York: Harcourt Brace.

- Potts J. 2000. *The New Evolutionary Microeconomics: Complexity, Competence, and Adaptive Behaviour*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Puviani A. 1903. *Teoria della Illusione Fianziaria*. Palermo: Sandron.
- Ramsey F. P. 1927. A Contribution to the Theory of Taxation. *Economic Journal*. 37: 47–61.
- Resnick M. 1994. *Turtles, Termites, and Traffic Jams: Explorations in Massively Parallel Microworlds*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Rosen H. S. 2005. *Public Finance*. 7th ed. New York: McGraw-Hill.
- Salanié B. 2003. *The Economics of Taxation*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Samuelson P. A. 1954. A Pure Theory of Public Expenditure. *Review of Economics and Statistics*. 36: 387–389.
- Samuelson P. A. 1955. Diagrammatic Exposition of a Theory of Public Expenditure. *Review of Economics and Statistics*. 37: 350–356.
- Sherman R. 1967. A Private Ownership Bias in Transit Choice. *American Economic Review*. 57: 1211–1217.
- Shoup D. C. 2005. *The High Cost of Free Parking*. Chicago: American Planning Association.
- Simmel G. 1978 [1900]. *The Philosophy of Money*. London: Routedge.
- Simons H. C. 1937. Review of First Principles of Public Finance. *Journal of Political Economy*. 45: 712–717.
- Stigler G. J., Becker G. S. 1977. De Gustibus non est Disputandum. *American Economic Review*. 67: 76–90.
- Stonier A., Bode K. 1937. A New Approach to the Methodology of the Social Sciences. *Economica*. 4: 406–424.
- Thornton M. 1991. *The Economics of Prohibition*. Salt Lake City: University of Utah Press.
- Usher D. 1992. *Welfare Economics of Markets, Voting, and Predation*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Viti de Marco de A. 1888. *Il Carattere Teorico dell' Economia*. Rome: Pasqualucci.
- Viti de Marco de A. 1934. *Principii di Economia Finanziaria*. Turin: Giulio Einaudi.
- Viti de Marco de A. 1936. *First Principles of Public Finance*. London: Jonathan Cape.
- Wagner R. E. 1997a. Choice, Exchange, and Public Finance. *American Economic Review, Proceedings*. 87: 160–163.

- Wagner R. E. 1997b. Parasitical Political Pricing, Economic Calculation, and the Size of Government. *Journal of Public Finance and Public Choice*. 15: 135–146.
- Wagner R. E. 2003. Public Choice and the Diffusion of Classic Italian Public Financeю. *Il Pensiero Economico*. 11: 271–282.
- Wagner R. E. 2005. Review of Orhan Kayaalp's The National Element in the Development of Fiscal Theory. *Journal of the History of Economic Thought*. 27: 223–226.
- Wagner R. E. 2006. Choice, Catallaxy, and Just Taxation: Contrasting Architectonics for Fiscal Theorizing. *Social Philosophy and Policy*. 23: 235–254.
- Wicksell K. 1896. *Finanztheoretische Untersuchungen*. Jena: Gustav Fischer.
- Wicksell K. 1958 [1896] A New Principle of Just Taxation. In: Musgrave R. A., Peacock A. T. (eds) *Classics in the Theory of Public Finance*. London, Macmillan; 72–118.

BEYOND BORDERS

Richard E. Wagner

Fiscal Sociology and the Theory of Public Finance. An Exploratory Essay (an excerpt)

WAGNER, Richard E. — **Abstract**
the Holbert L.

Harris Professor of
Economics, George Mason
University. Address: 4400
University Drive, Fairfax,
Virginia 22030, USA.

Email: rwagner@gmu.edu

This book presents an alternative approach to public finance, which supposedly refers to general social theory. This approach contrasts with the perspective that regards state and economy as autonomous and independent spheres. According to Richard Wagner, “government” refers to a set of spaces where social interactions proceed and unfold. Fiscal activities should be associated less with state intervention in the economy than with arenas for cooperation and conflicts. The author stresses the importance of emergent processes of development driven by conflicts between people and their plans. Wagner points out that this book presents his personal view on the theory of public finance and hopes that it will attract a wide audience.

The Journal of Economic Sociology is publishing the first chapter, “Contrasting Architectonics for a Theory of Public Finance.” In the first chapter, Wagner discusses two contrasting approaches to public finance: the predominant and alternative approaches. The former treats finance as a part of economic system. The latter treats it as a form of social theorizing. The author supposes that a dialog between these two approaches is necessary.

Keywords: fiscal sociology; public finance; state and economy; political economy; emergent process of development; market equilibrium.

References

- Atkinson A. B., Stiglitz J. E. (1980) *Lectures on Public Economics*, New York: McGraw-Hill.
- Backhaus J. G., Wagner R. E. (2005a) From Continental Public Finance to Public Choice: Mapping Continuity. *History of Political Economy Annual Supplement*, no 37, pp. 314–332.
- Backhaus J. G., Wagner R. E. (2005b) Continental Public Finance: Mapping and Recovering a Tradition. *Journal of Public Finance and Public Choice*, no 23, pp. 43–67.
- Bast J. L. (2002) *Municipally Owned Broadband Networks: A Critical Evaluation*, Chicago: Heartland Institute.
- Benham F. (1934) Review of Principii di Economia Finanziaria. *Economica*, no 1, pp. 364–367.
- Benson B. L., Rasmussen D. W. (1991) The Relationship between Illicit Drug Enforcement Policy and Property Crimes. *Contemporary Policy Issues*, no 9, pp. 106–115.
- Blankart C. B. (1991) *Offentliche Finanzen in der Demokratie*, Munich: Franz Vahlen.

- Bode K. (1943) Plan Analysis and Process Analysis. *American Economic Review*, no 33, pp. 348–354.
- Bowles S., Gintis H. (1993) The Revenge of Homo Economicus: Contested Exchange and the Revival of Political Economy. *Journal of Economic Perspectives*, no 7, pp. 83–102.
- Brancato K., Wagner R. E. (2004) Inefficient Market Pricing: An Illusory Economic Box. *Journal of Public Finance and Public Choice*, no 22, pp. 3–13.
- Brennan G., Buchanan J. M. (1980) *The Power to Tax: Analytical Foundations of a Fiscal Constitution*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Brosio G. (1986) *Economia e Finanza Pubblica*, Rome: La Nuova Italia Scientifica.
- Buchanan J. M. (1959) Positive Economics, Welfare Economics, and Political Economy. *Journal of Law and Economics*, no 2, pp. 124–138.
- Buchanan J.M. (1960) The Italian Tradition in Fiscal Theory. Buchanan J. M. *Fiscal Theory and Political Economy*, Chapel Hill: University of North Carolina Press, pp. 24–74.
- Buchanan J. M. (1967) *Public Finance in Democratic Process*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Buchanan J. M. (1968) *The Demand and Supply of Public Goods*, Chicago: Rand McNally.
- Buchanan J. M., Musgrave R. A. (1999) *Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Cullis J., Jones P. (1998) *Public Finance and Public Choice*, 2nd ed., Oxford: Oxford University Press.
- De Viti de Marco A. (1888) *Il Carattere Teorico dell' Economia*, Rome: Pasqualucci.
- De Viti de Marco A. (1934) *Principii di Economia Finanziaria*, Turin: Giulio Einaudi.
- De Viti de Marco A. (1936) *First Principles of Public Finance*, London: Jonathan Cape.
- Edgeworth F. Y. (1958 [1897]) The Pure Theory of Taxation. *Classics in the Theory of Public Finance* (eds. R. A. Musgrave, A. T. Peacock), London: Macmillan, pp. 119–136.
- Elias N. (1982) *The Civilizing Process*, New York: Pantheon Books.
- Elias N. (1991) *The Society of Individuals*, Oxford: Basil Blackwell.
- Elias N. (2001a) *O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya* [The Civilizing Process], Moscow; St. Petersburg: Universitetskaja kniga (in Russian).
- Elias N. (2001b) *Obshchestvo individov* [The Society of Individuals], Moscow: Praxis (in Russian).
- Hayek F. A. (1973) *Rules and Order*, Chicago: University of Chicago Press.

- Jha R. (1998) *Modern Public Economics*, London: Routledge.
- Kayaalp O. (2004) *The National Element in the Development of Fiscal Theory*, Houndmills, UK: Palgrave Macmillan.
- Keynes J. M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest, and Money*, New York: Harcourt, Brace.
- Keynes J. M. (2007) *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg. Izbrannoe* [The General Theory of Employment, Interest, and Money. Selected]. Moscow: EKSMO (in Russian).
- Klein D. B. (1997) *Curb Rights: A Foundation for Free Enterprise in Urban Transit*, Washington: American Enterprise Institute.
- Lachmann L. (1971) *The Legacy of Max Weber*, Berkely, CA: Glendessary Press.
- Lachmann L. (1977) *Capital, Expectations, and the Market Process*, Kansas City: Sheed Andrews and McMeel.
- Lawson T. (1997) *Economics and Reality*, London: Routledge.
- Lawson T. (2003) *Reorienting Economics*, London: Routledge.
- Leijonhufvud A. (1967) *On Keynesian Economics and the Economics of Keynes*, Oxford: Oxford University Press.
- Miron J. A., Zwiebel J. (1991) Alcohol Consumption during Prohibition. *American Economic Review, Proceedings*, no 81, pp. 242–247.
- Mirrlees J. A. (1994) Optimal Taxation and Government Finance. *Modern Public Finance* (eds. J. M. Quigley, E. Smolensky), Cambridge, MA: Harvard University Press, pp. 213–231.
- Mises L. von (1966) *Human Action*, 3rd ed., Chicago: Regnery.
- Mises L. von (2005) *Chelovecheskaya deyatel'nost': traktat po ekonomicheskoy teorii* [Human Action. A Treatise on Economic Theory], Chelyabinsk: Sotsium (in Russian).
- Ostrom V. (1962) The Water Economy and Its Organization. *Natural Resources Journal*, no 2, pp. 55–73.
- Ostrom V. (1973) *The Intellectual Crisis in American Public Administration*, Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press.
- Ostrom V. (1999) Polycentricity. *Polycentricity and Local Public Economics* (ed. M. D. McGinnis), Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 52–74; 119–138.
- Ostrom V., Tiebout C. M., Warren R. (1961) The Organization of Government in Metropolitan Areas: A Theoretical Inquiry. *American Political Science Review*, no 55, pp. 831–842.
- Pantaleoni M. (1911) Considerazioni sulle Proprieta di un Sistema di Prezzi Politici. *Giornale degli Economisti*, no 42, pp. 9–29; 114–133.

- Pareto V. (1935) *The Mind and Society: A Treatise on General Sociology*, New York: Harcourt Brace.
- Potts J. (2000) *The New Evolutionary Microeconomics: Complexity, Competence, and Adaptive Behaviour*, Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Puviani A. (1903) *Teoria de/la Illusione Fianziaria*, Palermo: Sandron.
- Ramsey F. P. (1927) A Contribution to the Theory of Taxation, *Economic Journal*, no 37, pp. 47–61.
- Resnick M. (1994) *Turtles, Termites, and Traffic Jams: Explorations in Massively Parallel Microworlds*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Rosen H. S. (2005) *Public Finance*, 7th ed., New York: McGraw-Hill.
- Salanié B. (2003) *The Economics of Taxation*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Samuelson P. A. (1954) A Pure Theory of Public Expenditure. *Review of Economics and Statistics*, no 36, pp. 387–389.
- Samuelson P. A. (1955) Diagrammatic Exposition of a Theory of Public Expenditure. *Review of Economics and Statistics*, no 37, pp. 350–356.
- Sherman R. (1967) A Private Ownership Bias in Transit Choice. *American Economic Review*, no 57, pp. 1211–1217.
- Shoup D. C. (2005) *The High Cost of Free Parking*, Chicago: American Planning Association.
- Simmel G. (1978 [1900]) *The Philosophy of Money*, London: Roulledge.
- Simons H. C. (1937) Review of First Principles of Public Finance. *Journal of Political Economy*, no 45, pp. 712–717.
- Stigler G. J., Becker G. S. (1977) De Gustibus non est Disputandum. *American Economic Review*, no 67, pp. 76–90.
- Stonier A., Bode K. (1937) A New Approach to the Methodology of the Social Sciences. *Economica*, no 4, pp. 406–424.
- Thornton M. (1991) *The Economics of Prohibition*, Salt Lake City: University of Utah Press.
- Usher D. (1992) *Welfare Economics of Markets, Voting, and Predation*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Wagner R. E. (1997a) Choice, Exchange, and Public Finance. *American Economic Review, Proceedings*, no 87, pp. 160–163.
- Wagner R. E. (1997b) Parasitical Political Pricing, Economic Calculation, and the Size of Government. *Journal of Public Finance and Public Choice*, no 15, pp. 135–146.

Wagner R. E. (2003) Public Choice and the Diffusion of Classic Italian Public Finance. *Il Pensiero Economico*, no 11, pp. 271–282.

Wagner R. E. (2005) Review of Orhan Kayaalp's The National Element in the Development of Fiscal Theory. *Journal of the History of Economic Thought*, no 27, pp. 223–226.

Wagner R. E. (2006) Choice, Catallaxy, and Just Taxation: Contrasting Architectonics for Fiscal Theorizing. *Social Philosophy and Policy*, no 23, pp. 235–254.

Wicksell K. (1896) *Finanztheoretische Untersuchungen*, Jena: Gustav Fischer.

Wicksell K. (1958 [1896]) A New Principle of Just Taxation. *Classics in the Theory of Public Finance* (eds. R. A. Musgrave, A. T. Peacock), London, Macmillan, pp. 72–118.

Received: March 16, 2016.

Citation: Wagner R. (2016) Fiskal'naya sotsiologiya i teoriya gosudarstvennykh finansov. Issledovatel'skoe esse [Fiscal Sociology and the Theory of Public Finance. An Exploratory Essay]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 2, pp. 88–115. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-2.html> (in Russian).